

В январе 2018 года исполняется 10 лет со дня смерти Лазаря Шерешевского (1926–2008). Человека нелёгкой судьбы, прошедшего по своей жизненной дороге и Крым и рым, пережившего горе эвакуации, голод и ужас салехардских лагерей. Человека, оставившего чёткий след в российской поэзии. Человека, с которым мне посчастливилось близко общаться почти десять лет...

Я слышал, что таковой есть, что он – мощный поэт, типичный представитель тех далеких шестидесятых и шестидесятников. Мне попадались его отдельные стихотворения, сильные, яркие, умные.

Я не ставил себе целью знакомство с ним, а о встрече и не мечтал. Во-первых, он человек пусть и не слишком публичный, но весьма известный и, скорее всего, занятой. Во-вторых, нужен хоть какой-нибудь повод. Могу перечислить и в-третьих, и в-четвертых... Короче, этот человек был от меня далек, как обычно далеки популярные люди от обыкновенных...

Волею судеб я стал посещать литературную гостиную московской писательницы Рады Полищук. Столы с незатейливой закуской, легким вином и напитками, домашняя обстановка. Мне, человеку далекому от высокого искусства, каждое посещение приносило удовлетворение – я сталкивался с тем, чего мне раньше недоставало. Встретиться с незаурядной персоной, о которой много говорят, пообщаться с ней! Поэтому я старался не пропускать такие посиделки.

Один из вечеров был посвящен творчеству Лазаря Шерешевского, как потом выяснилось, человека тяжелой судьбы, отдавшего тюрьме и северной ссылке восемь лет.

Небольшого роста, худощавый пожилой мужчина с эффектным носом и хитрыми глазами мудреца, с головой, покрытой белесыми ковылинками, точнее намеками на бывшую шевелюру, уселся поудобней за столик и начал рассказывать о себе, о своих книгах, читать стихи, пародии и эпиграммы. И все это без тени снобизма, чем особенно грешат сегодняшние деятели культуры любого направления, мало-мальски зазвездившиеся на экране ТВ или на какой-нибудь эстраде, без рисовки, но с легким сквознячком иронии. Потом, как обычно, наши вопросы – его ответы, и, наконец, уже неофициальное общение за бокалом легкого вина.

Я не удержался и вручил ему одну из своих первых книжечек со стихами, выпущенную смехотворным тиражом. Он меня поблагодарил и спрятал книжку в карман. Слово за слово, мы разговорились. Я поразился его эрудиции и почувствовал, что смотрю на Шерешевского из глубин юрского периода, что в моем литературном арсенале – лишь жалкие обрывки школьных знаний. Поэтому мне оставалось лишь внимать мудрым речам собеседника, изредка вставляя реплику. А слушать его было действительно интересно – я впервые встретил такого глубоко информационно насыщенного человека. В итоге испросил разрешение иногда ему звонить.

Прошло не очень много времени. Меня как любого только начинающего творить борзописца беспокоило мнение Лазаря Вениаминовича о моих стихах. Одно дело, когда их читают люди моего круга, столь же «образованные», как и я. Другое дело, когда их смотрит человек, посвятивший поэзии свою жизнь, сделавший поэзию своей профессией. И я решился напомнить о себе.

Выяснилось, что он обо мне не забыл и, в общем, не прочь со мной встретиться. И в один из глубоко осенних дней я приехал по указанному адресу.

Улица в районе метро «Щукинская» со звучным названием «Авиационная», застроенная стандартными домами. Типовая однокомнатная квартира. Сразу видно, что здесь обитает одинокий мужчина. Везде, где только можно (кроме старого кресла-качалки и дивана, заменяющего кровать), стояли и лежали книги. Книги самые разные. Как выяснилось, большинство из них с дарственными надписями. Куча газет и журналов...

За чаем потекла беседа. Я ему рассказал, кто я такой, откуда взялся и как забрел в поэзию. Моя настоящая профессия Лазарю понравилась. Еще бы – шахтер! Он вспомнил Бориса Горбатова, написавшего роман «Донбасс», и рассказал о нем, так как встречался с писателем в разных ситуациях.

Потом осторожно я перевел свои расспросы на судьбу хозяина, на его биографию. И снова поразился тому, как много он видел, что перенес, но ясно помнил, с кем, когда и при каких обстоятельствах встречался. Я услышал его гулаговскую эпопею, поставившую в моих глазах Шерешевского в один ряд с Жигулиным, Гинзбург, Ажаевым и другими жертвами режима. Его лагерные знакомства поразили меня созвездием великих людей, с которыми он не только был рядом, но и дружил: Семён Гехт, Роберт Штильмарк, автор знаменитого романа «Наследник из Калькутты», поэт Владимир Автономов, Леонид Оболенский – известный киноактер и режиссер «закрытого» театра заключенных СУ строительства железных дорог МВД, Алексей Мороз – корреспондент газет «Правда», «Известия» и военный корреспондент, Бинкин Юрий –

дирижер и известный композитор, художник Александр Дейнека, Николай Чернятинский – руководитель оркестра Одесского оперного театра, Владимир Йогельсен – режиссер знаменитого Радловского театра в Ленинграде, Всеволод Топилин – пианист, концертмейстер, аккомпаниатор Давида Ойстраха, и много, много других...

О своих опусах я заикнуться не решился...

С тех пор наши встречи стали регулярными. Я прочел его переводы Эдуардаса Межелайтиса и других поэтов, сделанные в разное время. Прекрасны оказались переводы стихов нескольких осетинских поэтов...

Мне импонировало, что я познакомился с человеком, который учился с Наумом Коржавиным, что мне выпала честь сидеть на месте, где когда-то сиживал Булат Окуджава, что хозяин долгие годы дружил с остроумным поэтом и страстным любителем выпить Николаем Глазковым, общался со Львом Озеровым и Леонидом Мартыновым, с замечательной Ольгой Берггольц, был знаком с Анной Ахматовой, знал Евгения Евтушенко, Андрея Дементьева. Я с напряженным вниманием слушал его рассказы о дружбе с семьёй Дворжецких, тяжёлая судьба которых известна. Наши беседы зачастую превращались для меня в лекции о разных направлениях в литературе, насыщенных нюансами, о которых я и не догадывался. Лазарь рассказывал о развитии поэзии в различные периоды отечественной литературы, приводил примеры из произведений поэтов-классиков, делал глубокий анализ их творчества. Вольно-неволью я «окончил» краткий курс Литинститута. И когда я с восхищением спрашивал, откуда Шерешевский так хорошо ориентируется в литературе, отчего ему все известно, он скромно отвечал, что это его профессия...

Меня потрясла его память, память феноменальная. Что это: явление природы или влияние обстоятельств? А может, то и другое вместе? Он мог свободно воспроизвести стихи Державина и Пушкина, Гумилева и Мандельштама, Симонова и Твардовского и других поэтов, имена которых я узнавал впервые. В этой седой голове была скрыта огромная библиотека. Его рассказы об искусстве превращались даже не в лекции, а в целые повествования. Меня поражало его видение, умение подсказать нужную точную рифму, придумать отличную концовку. Он, делая замечания, не обижал автора, не навязывал свое мнение, но был добрым советчиком...

Люди тянулись к нему. Сколько времени он тратил на то, чтобы прочесть чужое творение, поправить шероховатости, найти новый ракурс. Ему звонил среди ночи известный поэт Вадим Ковда и читал свои вирши, которые он терпеливо выслушивал и полночи работал с ним на пару, если требовали обстоятельства. А один из друзей, поэт, замечательный эквилибрист словом Валерий Краско? Человек, проверявший на Лазаре свои опусы. Можно назвать еще ряд поэтов... Сколько надо иметь терпения, каким тактом нужно обладать, чтобы не послать очередного, уже довольно надоевшего творца подальше. У Шерешевского этот такт был слишком преувеличен. Он мучился, когда надо было дать отрицательную рецензию или отзыв на слабое стихотворение. И Лазарь молчал, давая понять, что страшно занят, что не успел прочесть стихи...

Наши отношения крепились с каждым моим посещением. Мы встречались как минимум два раза в неделю. В итоге мы настолько сблизились, что не было дня, чтобы один из нас не звонил другому. Я даже стал

позволять себе отчитывать Лазаря Вениаминовича за его промашки, за определенную лень, чего он никогда не скрывал, за постоянные жалобы на здоровье и за то, что много курит. Временами он ворчал на меня, говоря, что я узурпатор и насильник, но глаза, его хитрющие глаза, выдавали, что ему нравилось то, что происходит в данный момент...

Лазарь прожил два срока из трех, отпущенных Моисею, с образом которого он, безусловно, соизмерял себя, рассматривая книгу Э. Бауха «Пустыня внемлет Богу». Он прекрасно знал Библию, Евангелие, честно признавался, что не силен в Талмуде, Галахе и Агаде и не особенно этим интересовался, поскольку к вопросам религии относился довольно прохладно. Однако генетически он нес в себе ощущение греха и философски воспринимал несчастья, либо пережитые, либо ожидаемые, как неминуемую кару за прегрешение. Иногда, испытывая стресс, сильно нервничал... Отсюда и его любимое присловье: «Так мне и надо!»

Запах смерти он почувствовал в раннем возрасте. Его отца расстреляли в недрах киевского НКВД. Он не раз был свидетелем того, как умирали на киевских улицах жертвы голодомора...

Война, эвакуация, похожая на великое переселение народов, дни и ночи, проведенные на огромном сталинградском стадионе, где в страхе и неведении томилась разнородная людская масса, в одночасье согнанная с насиженных мест. Перед глазами подростка, пропитанного литературными аллюзиями, разворачивалась почти библейская эпопея исхода, «переход» через Красное море, то есть через море крови войны и ГУЛАГа, а философско-поэтическое осмысление состоялось в конце восьмого десятка его жизни в тихой однокомнатной квартире в Щукино, где он прожил безвыездно почти двенадцать лет, предпочитая одиночество всем другим соблазнам кровавой эпохи.

Закатный час земного бытия
Пришел ко мне, и что с него мы спросим...
На склоне лет похожа жизнь моя
На слишком затянувшуюся осень...

Это были его последние стихи, о которых он предпочел умолчать и забил в компьютер. И что же ему открылось?

И нет в ней ни цветов и ни грибов,
Ни соков, охраняемых стеблями.
В ней угольками поздняя любовь,
Но уголькам не разгореться в пламя.
Не хохотать, не плакать ей навзрыд,
Она во мгле, как пройденная вежа,
И в двадцать первом веке говорит
Словами девятнадцатого века.

В этих строчках пожизненно и посмертно Лазарь утверждает свою приверженность к русской классической поэзии, к прозрачному пушкинскому стиху, который всегда был для него эталоном высшей поэтической гармонии.

С Пушкиным у него установилась магическая связь еще с детства, когда мальчика поразила картинка в дореволюционном томе пушкинских сочинений, которая на всю жизнь врезалась в память:

Фонарь и мостик, и карета у ворот:
И старый дядька, выбежав стремглав из дома,
Взяв на руки его, по лестнице несет...

В квартиру на Мойке, где Лазарь побывал в свой первый приезд в Ленинград не просто как турист, а как «скромный ученик», который не может найти слов от охватившего волнения, когда наконец воочию увидел то, что так потрясло его в детстве и что оказало влияние на его судьбу:

Что, если бы не он, не стал бы я поэтом,
Не знал бы красоты родного языка.

Прожитое и пережитое заставляют по-новому читать знаки судьбы, находить в них скрытый смысл, видеть логику событий и поступков. И понимаешь, что нет ничего случайного. Вдруг летом 1970 года районная газета Рузы напечатала вариант десятой главы «Евгения Онегина». Апокриф? Возможно. Лазарь вьелся в текст. Он почувствовал в нем пушкинскую строфу и думал всю зиму, а весной, к пушкинским дням, которые нижегородцы любят отмечать в Болдине, разразился статьей в газете «Ленинская смена», где не постеснялся выразить уверенность в подлинности некоторых строф.

По природе моцартианец, он поверял гармонию не алгеброй, а Пушкиным. Даже портрет поэта в его поэтическом воображении обретал сходство с автопортретом («Перо»):

С игривостью сплеталась величавость,
Как в беспорядке русских волосков,
Что разбегались по щекам, курчавясь,
И суживались строго у висков.

В поступательном развитии русской поэзии Лазарь видит закономерность:

А круг есть круг. В нем замкнутость земная:
Глагол для выжигания сердец.
От Пушкина движенье начиная,
Вновь к Пушкину приводит под конец!

Это из диптиха «Поэты девятнадцатого века», в котором Лазарь находит свое место в кругу любимых имен. Эта приверженность к школе русского классического стиха является определяющей в оценке того вклада, который внес в развитие отечественной литературы Шерешевский и который сближал его с Давидом Самойловым, Леонидом Мартыновым, Борисом Слуцким. Он не достиг их популярности, влияния на современников, востребованности наконец, хотя мог бы в силу своего общительного нрава, необычной эрудиции, которой он артистически умел обаять собеседников, врожденного умения нравиться женщинам и играть на тонких струнах их душ. Он был популярен в литературных кругах городов, где жил и творил. Почти сорок лет он был связан с московской землей, на которой разворачивались довольно тривиальные личные драмы, слегка напоминающие водевиль или безафишный спектакль, о чем он не без иронии спустя годы вспоминал в своих «Памфлетописях и эпи-граммах»:

Заявляю: – В жизни смысла нет!
Никакого – в том числе и здорового.

Высший смысл жизни он видел в своем поэтическом служении.

И вновь аллюзия: совершая странные кульбиты в агонии бракоразводного процесса, он, словно за поддержкой, обращается к Пушкину, погружаясь в состояние Болдинской осени, когда великий поэт и гуляка решил все-таки распротиться со своей холостяцкой жизнью...

Он ушел из жизни внезапно. Я видел его в живых последним. За один день до смерти. 15 января 2008 года не стало большого поэта. Но остались его дневники, записи, заметки и статьи для журналов и газет, его биографический рассказ, записанный мною на магнитофонную ленту, и чувство, что я обязан написать об этом человеке.

За гробом не шли толпы читателей, тем паче государственные мужи, за исключением основателей «Мемориала» и издательства «Возрождение», а также бывшего сокамерника по Бутырке. Пришли несколько поэтов и поэтесс, к которым он проявлял некоторый интерес и оказывал дружеское внимание, несколько соплеменников, не слишком разобравшихся в его личности и творчестве. Сюда же следует добавить давно обосновавшихся в Москве выпускниц престижной школы № 1 г. Горького, составивших некую триаду и безусловно претендовавших на особую оценку личности покойного, хотя бы в силу того, что прямое или косвенное их общение с Лазарем давно перевалило полувековой рубеж.

Профессор из Коломны, заслуженный деятель науки РФ Георгий Васильевич Краснов, полвека назад молодой декан историко-филологического факультета Горьковского госуниверситета, читавший курс русской классической литературы, не намного переживший своего ученика, в прощальном слове оценил его незаурядный вклад в литературу.

Узнав о смерти друга, такой же в прошлом, как и он, зэка, поэт Алексей Прядилов посвятил ему следующие строки...

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР

*Все рушится, чем дорожил
Под этим изменчивым небом.
Я был, а как будто не был,
Я жил, а выходит, не жил.*

Лазарь Шерешевский

Мы вчера говорили... Он мрачно шутил
И прочел эпиграмму на медперсонал,
И сказал, что он зелья давненько не пил,
А от жизни собачьей порядком устал.

И за жизнь не нашел он того, что искал;
Лишь надежда врала на счастливый исход.
Но надежда всегда нас ведет среди скал
И приводит к реке... А там омут, не брод.

Я его утешал и ободрить хотел,
Говорил, что случаются светлые дни,
Что не зря он трудился всю жизнь, что горел
И следы не от пепла оставит одни.

Он скептически слушал мою болтовню,
Словно я изъяснялся на тему не ту.
Он как будто бы прочно оделся в броню –
Улетали мои словеса в пустоту.

Разговор озадачил загадкой дилемм...
Утром я позвонил, чтоб услышать ответ.
Но молчал телефон, – он и глух, он и нем.
Я звонил и звонил...
А его уже нет...